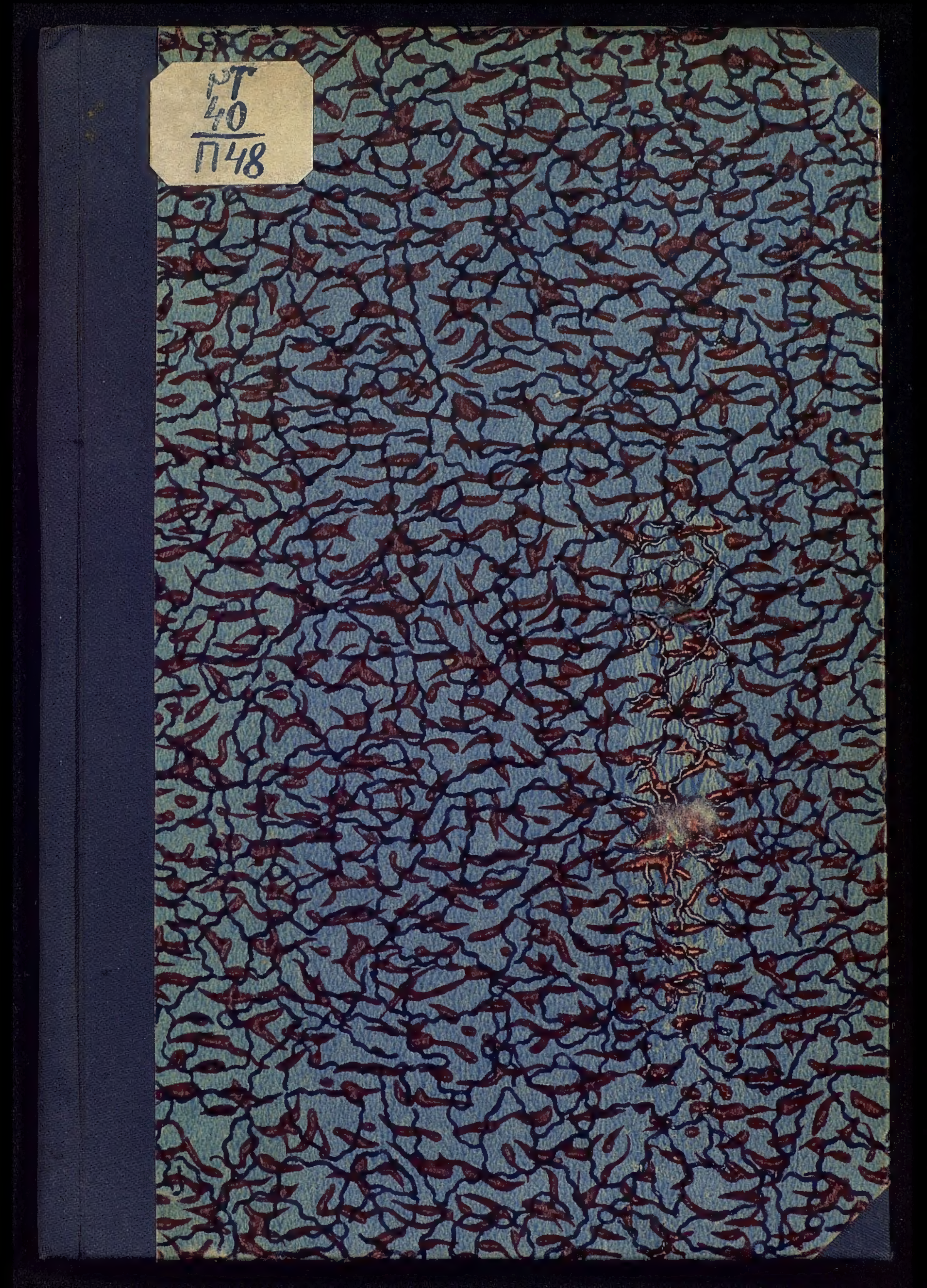
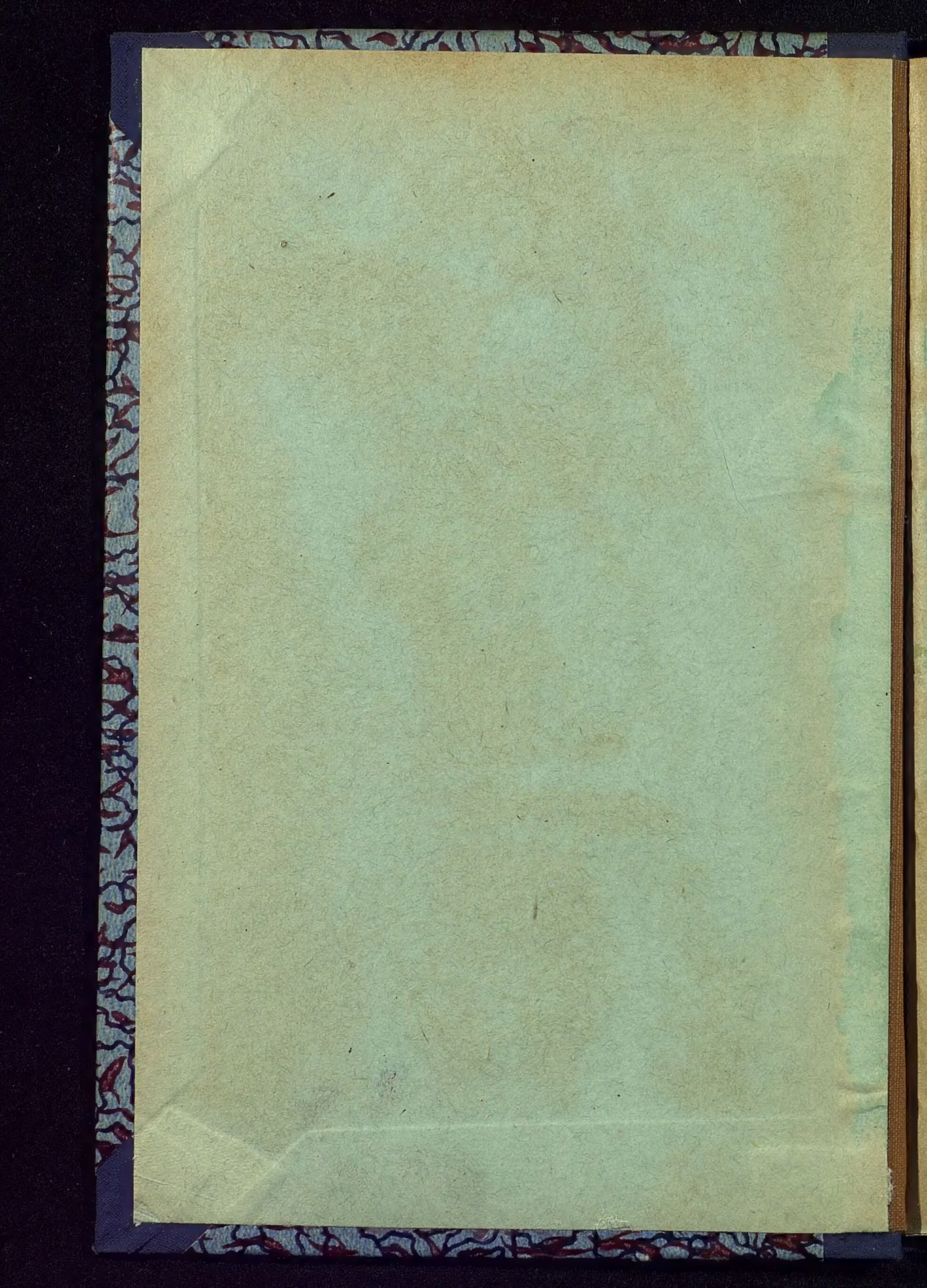
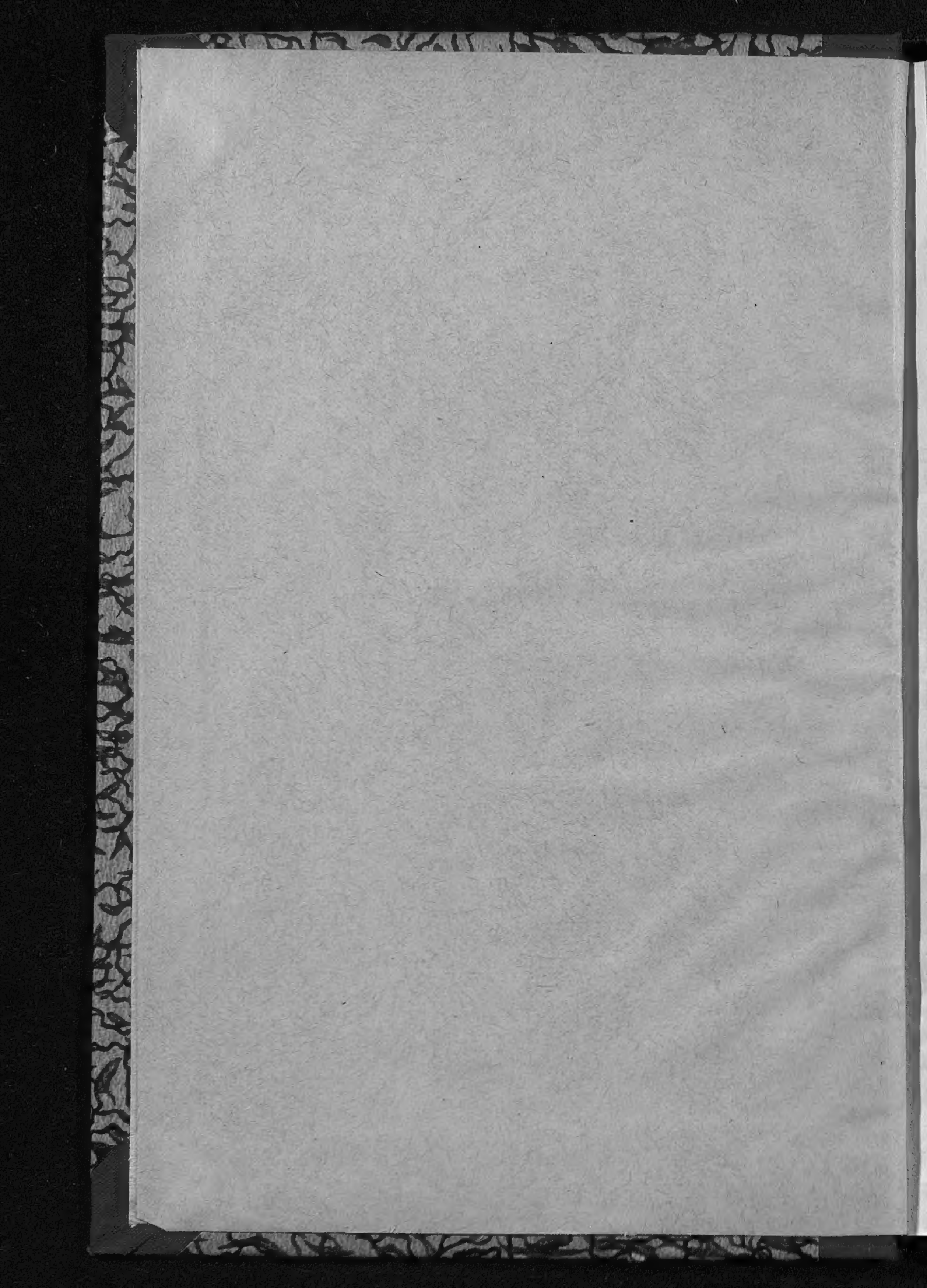

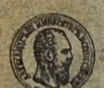

СБОРНИКИ
РУССКИХЪ ДИКТАНТОВЪ
СО СТОРОНЫ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

В. Покровскаго.

Изданіе второе.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1897.

СБОРНИКИ

РУССКИХЪ ДИКТАНТОВЪ

СО СТОРОНЫ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

В. Покровскаго.

Изданіе второе.

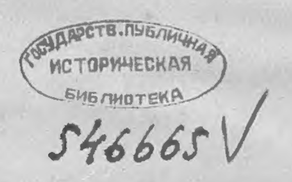
Цѣна 20 коп.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1897.

Дозволено цензурою. Москва, 27 іюля 1896 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая брошюра — есть рефератъ, читанный въ Комиссіи учителей русскаго языка, состоящей при Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Въ немъ выясняются слѣдующія положенія:

I. Диктовки должны стоять въ органической связи съ другими занятіями по русскому языку и никакъ не исключать общихъ задачъ и цѣлей при изученіи родного языка.

II. Матеріалъ для диктовокъ, придуманный составителями, оказывается, по большей части, не выдерживающимъ критики какъ со стороны своего содержанія, такъ и со стороны литературной отдѣлки.

III. Такіе сборники, по моему мнѣнію, вредны какъ для учениковъ, отучая ихъ отъ литературной рѣчи, такъ и для учителей, пріучая ихъ легко смотрѣть на матеріалъ для диктовокъ.

IV. Искаженіе, по грамматическимъ соображеніямъ, произведеній образцовыхъ писателей, особенно поэтическихъ, — дѣло антиэстетическое, котораго не должна допускать ни при какихъ условіяхъ школа.

V. Матеріаломъ сборниковъ для диктовокъ должна быть исключительно доступная по содержанію рѣчь образцовыхъ писателей и иногда изреченія безыскусственной поэзіи.

Эти положенія представляютъ собою естественный выводъ изъ слѣдующихъ разсмотрѣнныхъ мною сборниковъ диктантовъ:

Архіереева, «Сборникъ систематическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій». 1883 г.

Баталина, «Статьи для диктанта». 1891 г.

Вертоградскаго, «Практическій курсъ элементарной грамматики». (Здѣсь много упражненій въ диктовкахъ). 1885 г

Гасабова, «Образцы систематическаго диктанта». 1891 г.

Гастева, «Систематическій сборникъ орѳографическихъ упражненій». 1880 г.

Горлицына, «Уроки правописанія». 1878 г.

Злобина, «Нѣмые диктанты». 1887 г., изд. II.

Зелинскаго, «Зрительный диктантъ». 1891 г., ч. I.

Ислентьева, «Курсъ русскаго правописанія». 1883 г.

Козьмина, «Образцы систематическаго диктанта». 1893 г., ч. I.

Его же, «Приготовительный курсъ русской грамматики». 1885 г. (Здѣсь приложены задачи).

Комиссіи уч. II М. Г., «Опытъ образцовъ систематическаго диктанта». 1880 г.

Кошкарева, «Сборникъ диктантовъ для городскихъ и сельскихъ училищъ». 1880 г.

Красногорскаго, «Задачи по русскому правописанію». 1882 г.

Любимова, «Замѣтка о методѣ диктантовъ, съ приложеніемъ сборника затруднительныхъ словъ» 1872 г.

Матвѣевой, «Русская грамматика въ диктовкахъ». 1893 г.

Некрасова, «Практическій курсъ русскаго правописанія». 1893 г.

Его же, «Руководство къ практическому курсу». (Приложено много упражненій). 1892 г.

Панова, «Сборникъ диктантовъ». 1893 г.

Преображенскаго, «Руск. грам (Прилож. задачи). 1888 г.

Преображенской, «Диктовка». 1893 г.

Пуцыковича, «Уроки русскаго правописанія». 1889 г.

Скворцовой, «Диктанты для начальныхъ и сельскихъ училищъ». Изд I.

Смирновскаго, «Курсъ систематическаго диктанта». 1890 г.

Семенова; «Практическій курсъ русскаго правописанія». 1873 г.

Его же, «Начальныя систематическія упражненія въ списываніи и диктантахъ». 1878 г.

Тихомирова, «Азбука правописанія». 1892 г.

Цвѣткова Н., «Практическій курсъ русскаго правописанія». 1890 г.

Цвѣткова П , «Новый систематическій задачникъ по русскому правописанію». 1893 г.

Цвѣткова В., «Руководство къ изученію русскаго правописанія на примѣрахъ». 1890 г.

Цвѣтковой и Шатериной, «Первая книга для чтенія, письменныхъ работъ и диктовокъ». 1893 г.

Цуханова и Сергіевича, «Систематическій сборникъ диктантовъ». 1877 г.

Целибѣева, «Руководство къ изученію правильнаго употребленія буквы ѣ». 1893 г.

В. Покровскій.

п
н
п
л
н
м

с
н
н
н
с
д
д
д
к
с
у
д
и
а
в
п
в
т

в
т
у
д
т
к

Основная задача при обученіи русскому языку — научить правильно и разумно писать и читать, понимая эти слова въ самомъ широкомъ ихъ значеніи. Поэтому ученикъ, во-первыхъ, долженъ быть въ предѣлахъ возможнаго вооруженъ литературною рѣчью, будетъ ли то письменная, или устная; во-вторыхъ, владѣя свойствами таковой, долженъ писать грамотно, прилагая разумно законы этимологіи и синтаксиса.

Въ педагогической практикѣ у большинства преподавателей сложилось убѣжденіе, что занятія грамматическія исключаютъ всѣ заботы и мысли другого рода. Подобное воззрѣніе привело большинство составителей сборниковъ диктантовъ къ полному игнорированію матеріала для диктовокъ со стороны ихъ содержанія и къ сочинительству таковаго, чего, какъ увидимъ послѣ, нельзя оправдать никакими соображеніями. Подобная точка зрѣнія вытекаетъ изъ своеобразнаго взгляда на диктантъ, какъ на наглядный показатель усвоенія учениками разныхъ грамматическихъ положеній, а не какъ на одну изъ органическихъ частей вообще занятій по русскому языку. Учитель русскаго языка при всякомъ занятіи, — будетъ ли то диктантъ, разборъ, разсказъ, или анализъ какого-нибудь произведенія, — долженъ помнить, что онъ учитель русскаго языка, а не только грамматики: выработка въ ученикахъ, всѣми зависящими отъ него средствами, литературно-изящной рѣчи, пробужденіе въ нихъ добрыхъ чувствъ и обогащеніе ихъ воображенія плѣнительными образами — прямая задача учителя русскаго языка.

Составители существующихъ сборниковъ для диктовокъ воодушевлены самымъ благороднымъ желаніемъ научить дѣтей правильно писать. Ихъ благая цѣль достойна всякаго уваженія. Однакожъ должно сознаться, что ихъ труды не выдерживаютъ педагогической критики и не оправдываются практикой школъ. Эта послѣдняя съ очевидностію доказываетъ, какъ еще несовершенны познанія учениковъ въ правописаніи.

Лица, стоящія во главѣ управленія разными школами, сами учителя констатируютъ тотъ фактъ, что даже ученики среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ можно, конечно, ожидать бо́льшихъ успѣховъ въ правописаніи сравнительно съ учениками низшихъ, стоятъ далеко не на должной высотѣ. По крайней мѣрѣ нѣкоторые циркуляры гг. попечителей, опубликованные не такъ давно, въ непригляднoмъ свѣтѣ рисуютъ успѣхи учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ русскомъ языкѣ. Самая безуспѣшность дѣла обученія правописанію привела даже нѣкоторыхъ преподавателей къ пессимистическому воззрѣнію на занятія диктантами — на ихъ безполезность. Не предрѣшая пока вопроса, гдѣ лежитъ центръ тяжести непреоборимой трудности научить правильно и разумно писать, — въ характерѣ ли самыхъ занятій, въ ученикахъ ли, или въ нашемъ неумѣньи поставить дѣло, — полезно, кажется, пересмотрѣть самые сборники диктантовъ, чтобы опредѣлить, насколько и въ какой мѣрѣ и они могутъ быть отвѣтственны въ неуспѣхахъ учениковъ. Если же принять во вниманіе, что на упражненія въ правописаніи тратится масса труда, поглощается страшное количество времени, если, съ другой стороны, грамматическія упражненія, столь усердно практикуемыя, вытѣсняютъ болѣе важныя занятія, имѣющія цѣлью развить силы и способности человѣческой души и ввести учащихся въ идеальный міръ, то, думается, разсмотрѣніе намѣченнаго вопроса получаетъ наибольшую важность.

Вопросъ по существу о достоинствѣ сборниковъ диктантовъ сводится собственно къ двумъ: 1) къ вопросу о матеріалѣ и 2) къ вопросу о способѣ его расположенія. Разсмотримъ теперь первый.

Составители диктантовъ въ своихъ предисловіяхъ, иногда весьма почтенныхъ по объему, въ рѣдкихъ только случаяхъ устанавливаютъ характеръ матеріала диктовокъ по отношенію къ ихъ содержанію; они указываютъ только на способы его расположенія. Игнорированіе матеріала для диктовокъ — явленіе весьма печальное. Всѣхъ составителей въ вопросѣ о выборѣ матеріала можно раздѣлить на слѣдующія три группы: Составители первой — Архіереевъ, Вертоградскій, Гасабовъ, Зелинскій, Ислентьевъ, Козьминъ, Комиссія учителей при II Московской гимназіи, Красногорскій, Любимовъ, Матвѣева,

Некрасовъ, Пановъ, Преображенская, Преображенскій, Пуцыковичъ, Семеновъ, Смирновскій, Цвѣтковъ П., Цвѣтковъ В., Целибѣевъ, Цухановъ и Сергіевичъ не придаютъ никакого значенія диктуемому матеріалу; ихъ этотъ вопросъ нисколько не заботитъ: преслѣдуя исключительно одну цѣль — научить грамотно писать, они совершенно позабываютъ содержаніе рѣчи и ея построеніе. Диктуемый матеріалъ отвѣчаетъ правилу — вотъ и все, что имъ нужно. Къ высказываемымъ какъ связною рѣчью, такъ и отдѣльными фразами мыслямъ и способу ихъ выраженія они относятся какъ къ предмету пустому, не имѣющему въ дѣлѣ преподаванія никакого значенія. Въ силу этого они вносили въ свои сборники чужой матеріалъ безъ достаточной критики: на ряду съ хорошимъ черпали и дурной какъ по содержанію, такъ и по построенію. Съ другой стороны, тѣмъ же самымъ объясняется безцеремонное отношеніе ихъ къ поэтическимъ произведеніямъ, которыя они извращали до неузнаваемости и, конечно, опошляли ихъ. Легкость воззрѣнія на диктуемый матеріалъ повела вышеупомянутыхъ составителей къ болѣзненному и вредному въ школьномъ обученіи дѣлу — неудержимому сочинительству. Составители диктантовъ какъ бы сопричислили себя къ писателямъ и начали творить съ поразительной по обилію продуктивностію. Одинъ изъ составителей подобнаго типа, г. Любимовъ, въ своей „Замѣткѣ о методѣ диктанта“ предложилъ даже списокъ затруднительныхъ словъ въ правописаніи, на основаніи которыхъ, по его своеобразному мнѣнію, всякій преподаватель можетъ сочинить сколько угодно необходимаго для диктовокъ матеріала. Г. Любимову не нужно вовсе чужой рѣчи, въ какой бы формѣ она ни была — связной или отрывистой. Вслѣдствіе необузданнаго творчества и какъ результатъ таковаго — пустота въ содержаніи, убогое, за отсутствіемъ литературнаго вкуса, построеніе, различныя стилистическія неправильности и т. д. особенно ярко блещутъ въ слѣдующихъ сборникахъ: въ „Азбукѣ правописанія“ Тихомирова (ч. 1-я); въ „Диктантѣ для начальныхъ и городскихъ училищъ“ Скворцовой; въ „Зрительномъ диктантѣ“ Зелинскаго (ч. 1-я); въ „Курсѣ систематическаго диктанта“ Смирновскаго (ч. 1-я); въ „Образцахъ систематическаго диктанта“ Козьмина (ч. 1-я); въ „Руководствѣ къ изученію русскаго правописанія на примѣрахъ“ Цвѣткова В., учителя

образцовой при Московской духовной семинаріи школы; въ „Урокахъ русскаго правописанія“ Пуцыковича... Насколько обиленъ матеріалъ своего издѣлія въ сборникахъ, достаточно указать, напр., что въ „Систематическомъ сборникѣ“ Гастева изъ 80 стр. 70 сочинено, 10 взято у писателей; у Скворцовой — 130 стр. своего сочиненія, 20 заимствовано у писателей; у Тихомирова, если считать пустой наборъ словъ, еще болѣе; у гг. Архіереева и Цвѣткова В. (рук. Семинарской школы), Зелинскаго — видимо-невидимо.

Другіе составители сборниковъ диктантовъ признаютъ за матеріаломъ диктовокъ, повидимому, извѣстное значеніе. Къ таковымъ относятся Тихомировъ, Скворцова, Злобинъ и Горлицынъ. Г. Тихомировъ говоритъ, что диктанты не должны быть совершенно пусты. Отрицая только *совершенную* пустоту, онъ этой пустотѣ, что и естественно съ его точки зрѣнія, въ своей „Азбукѣ правописанія“ отвелъ почтенное мѣсто и наводнилъ ее плодами собственныхъ измышленій, нерѣдко тянущихся по цѣлымъ страницамъ (См. стр. отъ 1—100). Авторскій задоръ — самаго дешеваго разбора — подогрѣтый исключительно грамматической подкладкой, увлекши составителя, затмилъ въ его сознаніи и то микроскопическое значеніе содержанія диктовокъ, которое онъ придавалъ, и привелъ къ обильному сочинительству фразъ и словъ, носящихъ всѣ признаки *совершенной* пустоты. Процессъ творческой работы г. Тихомирова можно опредѣлить такъ, пользуясь его же словами: „Сверху приставить, снизу подставить, да въ середкѣ разставить, такъ и“ *фраза* „будетъ готова“ („Азб. пр.“ стр. 107).

Г-жа Скворцова заявляетъ, что подборъ фразъ имѣетъ немаловажное значеніе: „если фразы понятны и интересуютъ ученика по своему содержанію, то работа ему будетъ пріятна, и вниманіе явится само собою“. Игнорируя философское значеніе слова: *интересъ*, г-жа Скворцова смотритъ на содержаніе диктуемаго матеріала какъ на такой, который служитъ для развлеченія и забавы. Должно, къ прискорбію, сказать, что воззрѣніе такого рода не есть исключительное одной г-жи Скворцовой. Ошибочность его очевидна: диктуемый съ цѣлью развлеченія дѣтей матеріалъ и игривостію содержанія и оригинальностію способа выраженія можетъ, конечно, иногда и надолго вызвать смѣхъ въ дѣтяхъ; но этотъ

матеріалъ въ то же время отвлекаетъ отъ той формы, въ какую онъ облеченъ и ради которой диктуется. Къ этому должно присовокупить и то общее педагогическое соображеніе, что (въ школѣ) въ сознаніи дѣтей должно вырабатывать всѣми зависящими отъ учителей средствами понятіе серіозности и важности труда. Хотя г-жа Скворцова и заявляетъ, что обращено вниманіе на содержаніе фразы, но эти слова — пустой звукъ — та же ложь: она наводнила, подобно г. Тихомирову, свой сборникъ фразами собственнаго изобрѣтенія въ необъятномъ количествѣ.

Гг. Горлицынъ и Злобинъ смотрятъ на дѣло шире, яснѣе и правильнѣе. Первый осуждаетъ „простой наборъ словъ“ (См. пред., стр. 1), чѣмъ набита, какъ мы уже говорили, „Азбука правописанія“ Тихомирова, сожалѣетъ о бѣдности содержанія сборниковъ, до него изданныхъ, и самъ обращается къ искусственной и безыскусственной поэзіи. Г. Злобинъ въ вопросѣ о выборѣ литературныхъ образцовъ становится на совершенно правильную точку зрѣнія. Онъ говоритъ: „Я останавливался на тѣхъ, которые богаты какъ содержаніемъ, красотою языка, такъ и обиліемъ формъ относительно ихъ правописанія“ (См. предисл.) Однакожъ очень жаль, конечно, что и въ этихъ сборникахъ, хорошихъ по выбору матеріала, все-таки много самодѣльщины, такъ плохо гармонирующей съ хорошо выбраннымъ матеріаломъ и служащей нагляднымъ опроверженіемъ тѣхъ вообще хорошихъ мыслей о выборѣ содержанія для диктовокъ, которыя изложены въ предисловіи къ таковымъ.

Третьи составители диктантовъ придаютъ особую важность, серіозное значеніе матеріалу и берутъ его только изъ образцовыхъ русскихъ писателей — поэтовъ и прозаиковъ. Они требуютъ отъ диктуемаго матеріала, кромѣ содержательности, изящной, художественной формы. Къ числу такихъ составителей относятся Н. Цвѣтковъ и Поливановъ. Первый въ предисловіи къ своему сборнику говоритъ: „въ цѣляхъ развитія въ учащихся изящнаго языка, всѣ диктанты составлены изъ фразъ, взятыхъ изъ лучшихъ отечественныхъ писателей (пред., стр. 2).

Г. Поливановъ хотя ясно и не высказываетъ подобнаго взгляда, но онъ очевиденъ изъ выбора фразъ, приложенныхъ къ его грамматикѣ.

Диктанты гг. Н. Цвѣткова и Поливанова, отнесенныхъ нами къ III группѣ, мы признаемъ, при вѣрности ихъ взглядовъ на диктантъ, не безъ недостатковъ: одинъ (Цвѣткова) отличается сбивчивостію, скученностію собраннаго матеріала; другой (Поливанова) — его односторонностію: всѣ его диктанты состоятъ изъ пословицъ.

Высказавъ свое замѣчаніе о III группѣ, какъ болѣе удовлетворительной и составляющей пріятное исключеніе, остановимся на составителяхъ первыхъ двухъ, или совершенно беззаботныхъ относительно матеріала, или своеобразно его устанавливающихъ, и посмотримъ, въ чемъ выразилось ихъ сочинительство какъ въ связной, такъ и въ отрывистой рѣчи. Разсматривая связную, всякій, даже при поверхностномъ знакомствѣ, замѣтитъ въ ней отсутствіе всѣхъ свойствъ литературной рѣчи. Я позволю себѣ для доказательства привести нѣсколько примѣровъ изъ разныхъ сборниковъ, подтверждающихъ справедливость моей мысли. Вотъ образцы связной рѣчи, сочиненные самими составителями.

„Однажды мы охотились на зайчиковъ около садовъ, вдругъ надъ головой, какъ бѣсы, начали прыгать и скакать бѣлки, и подняли такой пискъ, какъ будто бы побѣсились. Одинъ изъ охотниковъ испугался и бросился бѣжать. Догнавъ его, мы пробовали успокоить, но онъ какъ-то странно кричалъ, что то не бѣлки, а бѣсы, или просто на нихъ напало бѣшенство. И побѣжалъ снова въ сторону. Изъ-за куста выбѣгаютъ два бѣлымъ зайчика и такъ испугали его, что онъ упалъ въ обрывъ, къ которому подбѣжалъ“ (Терновскій, стр. 22).

„Нѣкогда мы съ другомъ гуляли и встрѣтились съ пріятелемъ. Желая провести время съ нимъ, мы пригласили его на чай, но онъ рѣшительно отвѣчалъ намъ, что ему некогда: онъ занятъ. „Вамъ все некогда, да не хочется, только и слышимъ отъ васъ“. Въ это же время нѣкто, проходя мимо насъ, сталъ также упрекать пріятеля и прибавилъ, что онъ не только не бываетъ у знакомыхъ, но даже жалуется, что ему негдѣ бывать: всюду ему тѣсно и душно. Нѣгдѣ, въ Саратовской губерніи, я тоже зналъ молодого человѣка, который былъ боленъ отнѣкиваньемъ; тоже, быть можетъ, сдѣлается и съ нашимъ общимъ пріятелемъ“ (Терн., стр. 54—55).

Хотя въ „Опытѣ систематическаго диктанта“ Терновскаго,

откуда мы взяли вышеприведенные отрывки, образцовъ связной рѣчи, сравнительно съ отдѣльными фразами, очень мало: однакожъ, гдѣ она попадается, то собственнаго сочиненія и такого же характера (См. стр. 22, V; 23, I—V; 27, I; 142, III).

„По дорогѣ шелъ человѣкъ со скрипкою въ рукѣ. Онъ хорошо зналъ большія дороги, но пошелъ проселкомъ и упалъ въ яму, которая была вырыта для волковъ. Страшно испугался бѣдняга, когда увидѣлъ въ ямѣ горящіе глаза страшнаго волка, который завылъ на него. Онъ схватилъ скрипку и началъ играть плясовые напѣвы, какіе только пришли ему въ голову. Отъ подобнаго концерта волкъ поднялъ ужасный вой, на который прибѣжали мужики, которые вытащили скрипача и убитаго волка“ (Цухан. и Сергіевичъ, стр. 25, № 19).

„Систематическій сборникъ диктантовъ“ Цуханова и Сергіевича, откуда мы и взяли отрывокъ, весь состоитъ изъ статей связной рѣчи. Составители (см. предисл., стр. 9) считаютъ нецѣлесообразнымъ и въ педагогическомъ отношеніи вреднымъ допускать матеріалъ для диктовокъ изъ отдѣльныхъ фразъ, не могущихъ дать ничего цѣлаго. Необходимость такихъ цѣльныхъ статеекъ для диктовокъ, единственно возможныхъ, они мотивируютъ такъ: „Наши школы совершенно справедливо жалуются на то, что ученики все болѣе и болѣе отвыкаютъ отъ связной рѣчи“. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе ошибочности воззрѣнія составителей, не признающихъ за отдѣльными фразами полезнаго матеріала для диктовокъ, мы, къ сожалѣнію, видимъ, что ихъ „цѣльныя“ диктовки, за весьма рѣдкими исключеніями, — продуктъ ихъ собственнаго творчества съ такой же нелитературной отдѣлкой, какъ и взятый нами вышеприведенный отрывокъ. Такой неизящной своего изобрѣтенія рѣчью облекалось иногда и довольно странное содержаніе (См. стр. 29, № 30; стр. 13, № 37; стр. 33, № 40; стр. 35, № 46; стр. 33, № 41; стр. 42, № 5).

„Пѣстунъ нашъ былъ отставной ветеранъ, побѣдитель шведовъ, и получалъ маленькій пенсіонъ; во всемъ нашемъ пансіонѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ знаменитый питухъ, который въ пьянствѣ не имѣлъ соперниковъ и всѣхъ ихъ перепивалъ, такъ что тѣ сваливались замертво, а онъ себѣ,

знай, и старческимъ голосомъ попѣвалъ пѣсенки, да попивалъ хмельное пѣнное винцо“ (Целиб., стр. 115).

„Звѣроловъ копьемъ ударилъ звѣря прямо въ отверстый зѣвъ, такъ что вся зелень ближайшихъ деревьевъ обрызгалась кровью, и на землѣ покраснѣли цвѣты и трава“ (Целиб., стр. 86).

„Ты, любезнѣйшій, все почивать изволишь или покучивать да проживать готовыя родительскія денежки, а болѣе полезнаго ничего не затѣваешь и, на какія впереди блага надѣешься, не постигаю; но все-таки не могу не увѣщавать и не предостеречь тебя отъ совершеннѣйшей гибели и развращенія и желаю уберечь отъ увлеченія внѣшнимъ блескомъ пустой тщеславной жизни и отъ конечной потери нравственныхъ сѣмянъ, кои посѣваемы были нѣкогда въ твоемъ сердцѣ чуть не съ купели и колыбели, но кои заглушены нынѣ внушеніями ложныхъ друзей“ (Целибѣевъ, стр. 52).

„Втайнѣ колеблемый сомнѣніемъ и опасеніями, предъ всѣми показывалъ веселое настроеніе, доколѣ наконецъ все не обнаружилось, и всѣ въявѣ увидѣли разверзшуюся бездну; однакоже въ продолженіе нѣсколькихъ дней смущеніе, овладѣвшее внезапно, не пріобрѣло еще той силы, какую всецѣло получило впослѣдствіи; однакожъ будемъ надѣяться, что не мы, ниже родственники наши не забудемъ все-таки полезной сей дѣятельности и отдадимъ, конечно, ей справедливое и нынѣ и впредь“ (Целибѣевъ, стр. 59).

„Ты безразсуденъ, любезнѣйшій, а онъ — хитрая бестія и проведетъ тебя, бѣдняжку, самымъ безопаснѣйшимъ для него образомъ да еще убѣдитъ тебя же, что это ты все набѣдокурилъ“ (Целиб., стр. 62).

„Въ высшей степени терпкое вино вмѣстѣ съ бѣлужьей тешкой прислалъ мнѣ на утѣху тотъ потѣшный техникъ, котораго, помните, вы угощали калужскимъ тѣстомъ въ тѣсномъ лѣтнемъ помѣщеніи нашего тестя въ селѣ Утѣшевѣ“ (Целиб., стр. 149).

„Чѣмъ рѣзвиться, лѣниться да пусторѣчить, лучше бы вамъ садиться, рѣшать задачи или переводить латинскія изреченія; а то вы слишкомъ рѣчисты и противорѣчите самимъ себѣ: обѣщаете одно, а дѣлаете совершенно иное“ (Целиб., стр. 144).

„На дѣвичникѣ невѣстина подруга Гордеева, увидѣвъ на диванѣ разложенныя свадебныя одежды, стала надъ ними издѣваться, такъ что ея сестра не знала, куда дѣваться отъ совѣсти и смущенія, и скорѣе бросилась въ переднюю одѣваться, надѣясь, что и сестра ея вслѣдъ за ней одѣвается и пойдетъ домой“ (Целиб., стр. 87).

„Цензоръ Цеханскій процѣдилъ что-то сквозь зубы, настрочилъ наскоро цедульку и бросилъ оцѣпенѣвшему отъ изумленія цеховому“ (Целиб., стр. 152).

„Меньшиковъ приведенъ былъ въ веліе замѣшательство и безпремѣнно измѣнилъ бы тайнѣ и подвергся бы всеобщему осмѣянію, если бы непримѣтно не успѣлъ съ нимъ обмѣняться быстрымъ взглядомъ и тѣмъ указать ему всю неумѣстность его чрезмѣрной совѣстливости предъ такими лицемѣрами“ (Целиб., стр. 107—108).

„Сидѣла, высидѣла вечеръ надъ постелью вѣчно болѣзненнаго, посѣдѣлаго и старообразнаго землемѣра“. (Целиб., стр. 141).

„Навѣрно у того сѣроглазаго семинариста Серафимова есть сѣрныя спички“ (Целиб., стр. 140).

„Руководство къ изученію правильнаго употребленія буквы ѣ въ русскомъ правописаніи“, откуда взяты примѣры, появилось сравнительно недавно (1893 г.), но по внутреннему своему характеру относительно матеріала оно родно раннимъ, выше нами указаннымъ. Въ немъ большую часть занимаютъ фразы, но достаточно есть примѣровъ и на связную рѣчь. Связная рѣчь, приложенная къ грамматическимъ правиламъ у г. Целибѣева, варварская. Такой рѣчью не пишутъ, не говорятъ не только образцовые писатели, но и обыкновенные люди. Крайній вредъ ея для учащихся очевиденъ, что ясно видно изъ приведенныхъ отрывковъ и изъ тѣхъ, кромѣ того, которые помѣщены на слѣдующихъ страницахъ: стр. 25, упр. 5, № 2; стр. 43, упр. 7, №№ 31, 32, 35; стр. 51, упр. 8, № 2; стр. 76, упр. 11, № 18; стр. 77, упр. 12, № 1; стр. 85, упр. 13, №№ 2, 3; стр. 107, упр. 16, № 2; стр. 151, упр. 25, № 12 и т. д.

„Этотъ „нѣкто“, котораго подъ маскою никто не узнаетъ, былъ не кто иной, какъ нашъ сосѣдъ“ (Смирновскій, стр. 54).

„Ему теперь некогда, а онъ никогда ни съ кѣмъ изъ тѣхъ

господъ не видался, хотя нѣкогда онъ часто проводилъ съ нами время“ (Смирнов., стр. 45).

„Никто ничего не читаетъ, да и читать нечего, потому что ни у кого нѣтъ никакихъ книгъ, да и взять негдѣ“ (Смирновскій, стр. 47).

„Нѣкогда я хоть изрѣдка ѣзжалъ въ Москву, а теперь мнѣ некогда, и я вовсе никуда не выѣзжаю“ (Смирн., стр. 341).

„Я тоже готовъ помочь этому несчастному и такъ же охотно, какъ и вы, и думаю, что также и другіе сдѣлаютъ то же самое“ (Смирнов., стр. 96).

„Никто ничѣмъ не хотѣлъ ссудить бѣднаго Андрея, у котораго ничего не было, нечѣмъ даже было растопить печь и не на что было купить дровъ“ (Смирнов., стр. 84).

„Это прочитанное вами „нѣчто“ есть не что иное какъ одно изъ юношескихъ стихотвореній Пушкина“ (Смирнов., стр. 83).

„*Вначалѣ, покамѣстъ* я *еще* не успѣлъ ознакомиться *со всѣмъ*, что меня окружало въ деревнѣ, *я вовсе* не скучалъ и *совсѣмъ не* стремился *поскорѣе* разстаться съ деревенскою жизнію, хотя я *никуда* не выѣзжалъ и *ни къ кому* не ходилъ; но жизнь *наединѣ вскорѣ* перестала мнѣ нравиться, и то, что *прежде крайне* меня занимало, теперь *уже* не казалось интереснымъ“ (Смирновскій, прилож. къ §§ 36—39).

Въ „Курсахъ систематическаго диктанта“ Смирновскаго статьи разнаго объема или передѣланы ради педагогическихъ цѣлей изъ образцовыхъ писателей, у которыхъ онъ за искаженіе и проситъ извиненія (предисловіе, стр. VII), или имъ самимъ составлены. Этихъ послѣднихъ большинство. Всѣ онѣ носятъ яркую печать самодѣльщины. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь г. Смирновскаго, нагроможденная словами, пригнанными имъ къ извѣстнымъ правиламъ какой-нибудь части рѣчи, неправильна, противорѣчитъ законамъ русскаго языка и чужда того изящества, какое мы видимъ у образцовыхъ писателей; а между тѣмъ давать ученикамъ образцы правильной рѣчи, научить ихъ понимать и чувствовать ея красоту и въ работахъ учениковъ впослѣдствіи видѣть отраженіе такого знакомства — самая первая и святая задача школы.

„Иногда, хотя изрѣдка, учащимся бываетъ крайне полезно развлечься отъ усиленныхъ трудовъ, но при этомъ надобно тщательно беречься, чтобы не увлечься удовольствіями и не

сдѣлаться человѣкомъ разсѣяннымъ и вообще неоснователь-нымъ“ (Гасабовъ, стр. 101).

„Раненый солдатъ вскорѣ выздоровѣлъ, такъ какъ былъ раненъ въ мягкія части ноги, а другой, раненый пулей въ ногу, но съ раздробленіемъ въ кости долгое время провалялся въ госпиталѣ, дошелъ до сильнаго изнеможенія и одряхлѣнія и съ большимъ трудомъ возвратился въ отцовское жилище“ (Гасабовъ, стр. 105).

„На мірскомъ сходѣ сельскій міръ серіозно разсуждалъ объ уничтоженіи во всей волости питейныхъ заведеній и о недопущеніи впредь, ни подъ какимъ видомъ, открытія таковыхъ“ (Гасабовъ, стр. 105.)

„Практическое руководство“ Гасабова, откуда и взяты примѣры, состоитъ, по-преимуществу, изъ фразъ, главнымъ образомъ, надуманныхъ самимъ авторомъ, но оно не чуждо передѣлокъ изъ писателей и продуктовъ собственнаго творчества въ связной рѣчи; образцы этой послѣдней только показываютъ, какъ не должно писать по-русски

Не будемъ приводить примѣровъ изъ другихъ сборниковъ составителей первыхъ двухъ типовъ: Зелинскаго, Козьмина, Тихомирова и т. д., такъ какъ и нами указанные достаточно иллюстрируютъ нашу мысль.

Были и есть у составителей сборниковъ диктантовъ попытки къ сочинительству въ связной стихотворной формѣ. Увлекаясь, вѣроятно, примѣромъ составителей латинскихъ грамматикъ, подбиравшихъ для лучшаго укрѣпленія въ памяти подъ риѳму слова, составляющія исключенія изъ какого-нибудь общаго правила, нѣкоторые и изъ составителей сборниковъ диктантовъ проявили болѣзненную наклонность къ подражанію. Вотъ, напримѣръ, въ „Руководствѣ“ Целибѣева бсзсмысленный наборъ словъ въ стихотворной формѣ, рѣжущей ухо:

Нѣмецъ, Нѣманъ, печенѣгъ,
Пѣнязь, Вѣна и индѣйскій
(Коли птица, такъ индейка,
Но индѣецъ, индіанка);
И Рогнѣда и апрѣль;
Собѣщанскій, самоѣды,
Нѣгошъ, Нѣмежъ и Онѣга,

Кѣльцы, Вѣна и Сапѣга
Да Собѣсскій, Елисѣй
И Матвѣй и Еремѣй;
(Елисейскія жъ поля
Черезъ е писать всегда). (Стр. 22—23).

Гнѣзда, сѣдла, звѣзды, смѣтка,
Зѣвъ, осѣдлость (отъ *осѣдлый)*
И подгнѣтка и загнѣтка
(Иль *подгнѣтокъ и загнѣтокъ);*
Вдѣжка, вѣшка и медвѣдка;
Цвѣлъ, обрѣлъ и пріобрѣлъ;
Бѣгъ, побѣгъ и изобрѣлъ;
И позѣвывать, осѣдлывать,
И одѣванъ да надѣванъ;
Отъ *запечатлѣть*—запечатлѣнъ;
И одѣться, одѣянье,
Раздѣва́ться, надѣва́ть
И вздѣва́ть; но—*оде́жда*
Иль народное *одёжа*
Черезъ е всегда писать.
Пишутъ **е** теперь *поддёвка,*
Прежде жъ **ѣ** всегда: *поддѣвка.* (Стр. 17).

Отъ стариннаго **зѣло**
Только: зѣльный, до зѣла;
А отъ корня **зѣв** **(зѣвать):**
Зазѣваться, ротозѣйство,
Ротозѣйка, ротозѣя,
Ротозѣять,назѣваться,
Ротозѣйничать, зѣва́ка
Да зѣво́къ, зѣвунъ, зѣвунья,
Прозѣвать, тризѣвный (Церберъ),
Зѣвикъ, зѣвный и зѣванье,
Разѣвать и раззѣваться
И раззѣвывать, зѣвча́тикъ
Да позѣвывать, зѣвнуть.
(**Но** *разиня и разинуть*
Птичка зинька—отъ **зіять**). (Стр. 83).

Иногда такому набору словъ, повидимому, хотѣли придать какой-то смыслъ, но содержаніе выходило смѣхотворное. Вотъ любопытный примѣръ такого рода самодѣльщины, имѣвшій мѣсто въ бывшихъ прежде въ ходу нѣкоторыхъ сборникахъ диктантовъ.

Бѣдный, блѣдный, бѣлый бѣсъ
Убѣжалъ голодный въ лѣсъ;
Лѣшимъ по лѣсу онъ бѣгалъ,
Рѣдькой съ хрѣномъ пообѣдалъ,
И за горькій тотъ обѣдъ
Далъ обѣтъ надѣлать бѣдъ.
Вѣдай, братъ, что клѣть и клѣтка,
Рѣшето, рѣшетка, сѣтка,
Желѣзà, желѣзо съ ять,
Такъ и надобно писать.
Наши вѣжды и рѣсницы
Защищаютъ глазъ зѣницы.
Дѣва, красная невѣста,
Сѣсть пора, мой свѣтъ, на мѣсто,
Смѣхи, рѣзвости кончай,
Подъ вѣнецъ въ цвѣткахъ ступай;
Свои, сирѣчь, косы-змѣи
Брось ты, дѣвичьи затѣи.
Вѣтеръ вѣтки поломалъ,
Нѣмецъ вѣники связалъ,
Свѣсилъ вѣрно при промѣнѣ,
Продалъ за двѣ гривны въ Вѣнѣ.
Глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ, и сѣдъ,
И плѣшивъ нашъ старый дѣдъ:
Мѣру онъ купилъ орѣховъ,
Положилъ въ мѣшокъ съ прорѣхой,
Дѣду Глѣбъ кричитъ во слѣдъ,
А онъ, будто для потѣхи,
Сѣетъ по слѣду орѣхи.
Конь мой пѣгій иль гнѣдой,
Мчитъ телѣгу онъ стрѣлой,
Пѣна у рту такъ и рѣетъ,
До обѣдни въ торгъ поспѣетъ.

Пѣстунъ дѣтушекъ училъ,
Буквы мѣломъ выводилъ:
А. б. в. Азъ, буки, вѣди,
Помни сѣрые медвѣди;
И, скончавъ такую пѣсню,
Дѣтокъ онъ ведетъ на Прѣсню.
Днѣпръ и Днѣстръ, какъ всѣмъ извѣстно,
Двѣ рѣки въ сосѣдствѣ тѣсномъ;
Дѣлитъ области ихъ Бугъ,
Рѣжетъ съ сѣвера на югъ.
Кто такъ гнѣвно свирѣпѣетъ?
Крѣпко сѣтовать такъ смѣетъ?
Надо мирно споръ рѣшить
И другъ друга убѣдить.
Вѣрь, что тѣлогрѣйкѣ той лиловой
Вся цѣна одинъ цѣлковый.
Мѣдный пѣнязь размѣняй,
Съѣшь калачъ и прочь ступай.
Встань, лѣнивецъ, на колѣна,
Положи вязанку сѣна;
Въ сѣняхъ въ стѣну носъ уткни,
Лѣвымъ глазомъ не моргни.
Вотъ два лѣта, — ни совѣта,
Ни отвѣта, ни привѣта
Нѣту Вѣрѣ отъ дружка:
Съѣла бѣдную тоска.
Въ стары вѣки печенѣги
Часто дѣлали набѣги,
Гнали плѣнныхъ въ вражій станъ;
Было въ Новгородѣ вѣче,
Съ татарвой бывали сѣчи,
Всѣхъ тѣхъ золъ бывалыхъ лѣтъ
Нынѣ ужъ на свѣтѣ нѣтъ.
Посѣщалъ я встарь сосѣда,
Долго шла у насъ бесѣда
Про болѣзни, про снѣга,
Что бѣлуга дорога:
И бесѣдъ тѣхъ долгу повѣсть
Мнѣ забыть мѣшаетъ совѣсть.

Мѣсяцъ свѣтитъ въ нѣдро водъ,
Звѣзды водятъ хороводъ.
Пѣшій, конный повстрѣчались,
Обнялись, поцѣловались.
Птичьи гнѣзда грѣхъ зорить,
Грѣхъ напрасно хлѣбъ сорить,
Надъ калѣкой грѣхъ смѣяться,
Надъ увѣчнымъ издѣваться.
Любитъ лѣнь и тѣнь и сѣнь,
Нѣжить тѣло любитъ лѣнь.
Цѣль да цѣлъ да цѣпъ —
Стихъ такой зѣло нелѣпъ.
Вотъ невѣстка рано встала,
Сѣрну спичку зажигала,
Стало спѣшно квасъ цѣдить,
Тѣсто прѣсное мѣсить.
Ты дослушай нашихъ пѣсенъ.
Вотъ: купѣль, свирѣль и плѣсень
Съ *ять* ихъ всѣхъ пиши смѣлѣй.
Шутъ бранится слишкомъ смѣло
И повѣсой и пострѣломъ,
И невѣждою коритъ
И полѣномъ намъ грозитъ;
Зѣвъ, какъ звѣрь, свой разѣваетъ
И совѣты сочиняетъ.
Вѣдь пора шута унять
Да куда-нибудь дѣвать.
Мѣщанинъ намъ сдѣлалъ смѣту,
Такъ какъ раны свѣжей нѣту,
То сѣмянъ пріобрѣтать
Да лѣкарствомъ торговать.
Примѣнили къ хлѣву вѣхи,
Ихъ воткнули для потѣхи;
Влѣзь по лѣстницѣ, другъ мой,
Сбрось оттуда ихъ долой.
Вотъ помѣщикъ жаркимъ лѣтомъ,
Въ мѣхѣ бѣличьемъ одѣтомъ,
Осѣдлалъ сѣдломъ коня
Ѣхалъ съ ночи и до дня.

Что же за причина, которая влечетъ составителей сборниковъ диктантовъ къ сочинительству въ прозѣ и стихахъ, являющемуся въ такой неопрятной или, лучше сказать, неприличной формѣ? Гдѣ причина того печальнаго явленія, что учителя русской рѣчи, конечно, литературной, художественной, отрекаясь отъ таковой сами добровольно, личнымъ своимъ авторитетомъ санкціонируютъ учащимся чуждую всякихъ литературныхъ достоинствъ антирусскую рѣчь? Причина ясна: нагроможденіемъ, въ видахъ орѳографическихъ, необходимыхъ для диктантовъ словъ или предложеній, желаютъ скорѣе или провѣрить орѳографическія познанія учениковъ, или дать имъ орѳографическіе навыки. Въ результатѣ — въ диктовкахъ или пустой наборъ словъ, или связная дурная рѣчь, какъ мы уже видѣли.

Хорошей цѣли должны быть даны и хорошія средства. Вымученныя самими составителями диктовки, сомнительно помогая дѣлу орѳографіи, мѣшаютъ ученикамъ знакомиться со строемъ, силою и красотою русской рѣчи.

Въ области составленія хрестоматіи, къ величайшему благу учащихся, прошелъ больной періодъ внесенія статей собственнаго творчества. Послѣдняя и постыдная попытка въ этомъ направленіи г-жи Соколовой кончилась полнымъ фіаско. Теперь хрестоматія возможна, какъ сборникъ отрывковъ изъ образцовыхъ, лучшихъ писателей. Этому явленію, конечно, должно радоваться: въ сознаніи преподавателей явилось твердое убѣжденіе — питать душу учениковъ рѣчью художниковъ ея. Къ тому же воззрѣнію должны прійти и составители сборниковъ диктантовъ; имъ самимъ будетъ противна чуждая литературныхъ достоинствъ рѣчь ихъ сборниковъ; очищеніемъ своихъ диктантовъ отъ прегрѣшеній — сочинительства — составители должны и въ родителяхъ, занимающихся съ дѣтьми, и въ учителяхъ, и въ дѣтяхъ направлять мысль къ тому, что во всѣхъ занятіяхъ по русскому языку должно пользоваться образцовою рѣчью русскихъ писателей. Тотъ скрупулезный педантизмъ, считающій преступленіемъ допустить въ диктовкахъ какую-либо неизвѣстную форму и приведшій составителей къ сочинительству и къ искаженіямъ литературной рѣчи, мало помогаетъ дѣлу и не избавляетъ учащихся отъ царящей теперь безграмотности. Правила, подкрѣпленныя такими при-

мѣрами, не засѣдаютъ прочно: „нельзя надѣяться, говоритъ составительница, что все, пройденное въ младшемъ отдѣленіи, засядетъ твердо въ дѣтской головѣ, и что длинныя лѣтнія каникулы не выдуютъ того, что было выучено въ первый годъ (Преображенская, пред., стр. 4).

Мы видѣли, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ сочинительство составителей диктантовъ по отношенію къ содержанію измышленной рѣчи. Такой же печальный характеръ, по большей части, представляетъ рѣчь и со стороны стилистической. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ, всего болѣе бросающихся въ глаза, — это безконечное употребленіе тавтологическихъ выраженій. Если бы изъ сборниковъ диктантовъ составителей 1-й и 2-й группы собрать тавтологическія выраженія, то можно составить цѣлые томы. Ограничимся нѣсколькими примѣрами: 1) Ты *занимаешься* прилежно, а Ѳедоръ не *занимается,* хотя ему слѣдуетъ *заниматься* прилежно. (Смирн. 1, 19). *Нѣженка* и въ то время *нѣжится,* когда ему вовсе некогда *нѣжиться* (Гасабовъ, 98). 2) Знать грѣхи *наши* бездождятъ нивы *наши* (Тихом., 23). 4) Охотники напали на *логовище* медвѣдя и нашли въ *логовищѣ* пару медвѣжатъ. (Злобинъ 11, 42). 5) Когда я шелъ чрезъ *кладбище,* на *кладбищѣ* хоронили покойника (Некр., Руков. 31). 6) Даже *прилежный* ученикъ иногда *раззѣвается,* заразившись *зѣвотою лѣнивца*. (Опыт. обр. Ком. при II г., стр. 41). 7) *Синее* небо *посинѣло* (Вертогр., 135). 8) *Льстецъ* любитъ *льститъ* (16). 9) Я встрѣтился съ *давнишнимъ школьнымъ* товарищемъ, и мы вспомнили о *давнишнемъ школьномъ* времени (Смирн. 65). 10) Няня любитъ *дѣтей* и гуляетъ съ *дѣтьми* въ ближней рощѣ (Вертогр., 136).

Такой крупный стилистическій недостатокъ допускался и допускается составителями вслѣдствіе ихъ погони совмѣстить въ одной фразѣ нѣсколько разныхъ грамматическихъ формъ. Такъ, въ фразѣ № 1-й одинъ и тотъ же глаголъ попадается три раза, ибо нужны три различныя окончанія; въ фразѣ № 4-й существительное повторено, такъ какъ нужны были разные падежи. Въ этомъ стремленіи къ нагроможденію необходимыхъ для составителя словъ заключается иногда какая-то необычайная виртуозность. Развѣ не странны выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *Нѣкто* сказалъ *нѣчто* и повторилъ

ему *это нѣчто нѣсколько* разъ (Опыт. Ком. при II г., стр. 22). *Нѣкогда нѣкоторые* люди жили очень долго: по *нѣскольку* лѣтъ (Вертогр., 131). Если бы составители извлекали содержаніе для диктовокъ изъ писателей, которые даютъ обильный матеріалъ и для орѳографическихъ упражненій рѣшительно на всѣ правила этимологіи и синтаксиса, то они и при обученіи орѳографіи, преслѣдуя спеціальныя цѣли, съ самаго начала обученія знакомили бы съ силою слова и красотами русской рѣчи. Кромѣ того, такой матеріалъ связной и отрывистой рѣчи, помѣщенный въ сборникахъ диктантовъ, оказываетъ плохую услугу школамъ: стилистическія неправильности, обильно расточаемыя въ диктовкахъ и узаконяемыя преподавателями въ младшихъ классахъ, въ среднихъ и старшихъ преслѣдуются, какъ крупные недостатки литературной рѣчи.

Примѣровъ связной рѣчи собственнаго сочинительства сравнительно съ отдѣльными фразами во всѣхъ сборникахъ немного. Поразительная плодовитость у составителей сборниковъ сказалась на фразахъ, которыми буквально переполнены всѣ сборники. Эти фразы, какъ вымученныя для подтвержденія грамматическихъ правилъ, грѣшатъ во многихъ отношеніяхъ какъ по содержанію, такъ и по строенію. Разсматривая ихъ со стороны содержанія, мы находимъ между ними много такихъ, которыя поражаютъ своимъ содержаніемъ. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующія двѣ группы:

А) Странныя по мысли.

Дивная вещь девятинскаго попа по плѣши ударить (Терновскій, 118).

Дальше отъ Ѳени — грѣха менѣ (ib., 79).

Коко съ сокомъ (ib., 120).

Не спрашивай у кошки лепешки (Тихомировъ, 1, 30).

У тебя скоро появится усъ, а ты еще не знаешь, что такое юсъ (Зелинскій, 1, 1).

Летитъ гусь на святую Русь (Горлицынъ, 35).

Вертлявый не можетъ не съюлить (Смирновскій, 1, 38).

Невѣста обкушалась тѣста (Терновскій, 44).

Кто ѣстъ лукъ, того избавитъ Господь отъ вѣчныхъ мукъ (ib., 48).

Выкуси кукишъ — прапорщикъ будешь (ib., 44).

Лѣнивые люди говорить не могутъ (Козьм., Гр., 53).

Нынѣ всѣ хлебаютъ щи (Вертоградскій, 130).

У нашей рѣчки бродилъ ракъ по бережку (Матвѣева, 37).

Мясное не ѣдятъ (Гастевъ, 22).

Хорошо сдѣлалъ Богъ, что не далъ свиньѣ рогъ (Семеновъ, Нач. упражн., стр. 13).

Нефть никоимъ образомъ не годится въ снѣдь (Целибѣевъ, 113).

Старый хрычъ — пора тебѣ спину стрычъ (Тернов., 76).

Думаетъ индѣйскій пѣтухъ (Семеновъ, Пр. упр., 9).

Ворона летѣла, собака на хвосту сидѣла (Горл., 22).

На морѣ овинъ горитъ, по небу медвѣдь летитъ (Тернов., 110).

Б) Невѣрныя по мысли.

Собраніе нѣсколькихъ звѣздъ названо Медвѣдицей (Вертоградскій, 1, 31). — Такая фраза не даетъ никакого опредѣленнаго понятія о Медвѣдицѣ, подъ которой разумѣютъ извѣстное собраніе звѣздъ, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ. Въ другомъ сборникѣ дается такое неправильное опредѣленіе Большой Медвѣдицы: „Собраніе Большой Медвѣдицы состоитъ изъ нѣсколькихъ крупныхъ звѣздъ“ (Ар. Соколовъ, 35).

Въ большихъ городахъ бѣдный народъ, вслѣдствіе дороговизны говядины, употребляетъ въ пищу конину (Пановъ, 1, 18). — Въ большихъ городахъ, гдѣ достаточно татарскаго народонаселенія, производится продажа конины, и татары употребляютъ ее въ пищу, но чтобы недостаточные классы другихъ національностей употребляли въ пищу конину — чистый вымыселъ.

Все съѣстное хранится на льду (Вертоградскій, 130). — Очень многое, употребляемое въ пищу, и не хранится на льду: яйца, хлѣбъ, сыръ, колбаса и т. д.

Медвѣдь все ѣстъ (Тихомировъ, 1, 15). — Медвѣдь является какимъ-то всеяднымъ, пожирающимъ все, что ни есть на свѣтѣ.

„Все жидкое кушаютъ ложкой" (Вертогр) — Ошибочность этого сужденія очевидна: молоко, чай, вино и т. д. вѣдь не „кушаютъ ложкой".

Если кузнечика ловить, то онъ высоко прыгаетъ (Вертоградскій, 120). — Всякому по непосредственному наблюденію извѣстно, что кузнечикъ прыгаетъ высоко и тогда, когда и не замѣчаетъ по отношенію къ себѣ никакихъ враждебныхъ поползновеній. Очевидно, что въ этомъ примѣрѣ слѣдствіе не вытекаетъ изъ предполагаемой причины.

Въ жаркое время ручьи и рѣчки пересыхаютъ (Матвѣевъ, 24). — Мысль крайне преувеличена.

Лѣсной клещъ впивается (Вертоградскій, 135). — Въ этой, повидимому, правильной фразѣ авторъ устанавливаетъ, вопреки зоологіи, существованіе лѣсного клеща, которому приписывается свойство впиваться; съ точки зрѣнія сочинителя фразы выходитъ, что какія-то другія породы клещей не впиваются; на самомъ же дѣлѣ, всякій клещъ, гдѣ бы онъ ни попался — въ лѣсу, въ полѣ, — впивается.

Для рыбокъ, которыхъ держатъ въ аквaріумахъ, необходимо какъ можно чаще мѣнять воду (Пановъ, 1, 13). — Эту фразу можно признать справедливой только въ томъ случаѣ, если нѣтъ въ аквaріумѣ никакой растительности, дающей кислородъ, необходимый для жизни рыбокъ; въ противномъ случаѣ предпочтительно вовсе не мѣнять въ аквaріумахъ воду.

Ограничимся этими примѣрами, хотя ихъ можно было бы привести множество. Очевидно, что такія и имъ подобныя фразы, надуманныя составителями сборниковъ диктантовъ, для лучшаго запечатлѣнія въ ученикахъ преподанныхъ имъ грамматическихъ правилъ, или возбуждаютъ въ ученикахъ смѣхъ, или вводятъ въ область ложныхъ понятій.

Составители диктантовъ, не довольствуясь примѣрами, ими самими придуманными, обращаются къ книжной рѣчи и черпаютъ матеріалъ какъ изъ произведеній классическихъ писателей, такъ и изъ сокровищницъ народной безыскусственной поэзіи, но и при этомъ заимствованному матеріалу даютъ иногда своеобразный видъ, нужный имъ по грамматическимъ

соображеніямъ. Въ преслѣдованіи своихъ цѣлей они производятъ слѣдующія, если такъ можно выразиться, оскопительнаго характера работы:

А) Пропускаютъ слово, имъ ненужное.

Чижа захлопнула *(злодѣйка)* западня (Козьминъ, 23).

Колосъ отъ колоса — не слыхать *(человѣчьяго)* голоса (Матвѣева, 37).

Лягушка увидѣла вола и захотѣла *(въ дородствѣ)* съ нимъ сравняться (Преображенская, 52).

Изъ птицъ однѣ кукушки *(бездомницы)* не высиживаютъ яицъ (Козьминъ, 47; Некрасовъ 11, 20).

Встань, проснись *(подымись)*, на себя погляди (Злобинъ, 11, 71).

За рѣкой *(на горѣ)* лѣсъ зеленый шумитъ (Некрасовъ, Рук., 33).

Для *(милого)* дружка и сережка изъ ушка (Гасаб., 4) и т. д.

Б) Замѣняютъ одно слово другимъ.

Кто зѣваетъ, тотъ плохо (вм. воду) хлебаетъ (Вертоградскій, 130).

Вдали за рѣкой засвѣтился (вм. потухъ) огонекъ (Матвѣева, 44; Некрасовъ, Рук., 14).

Десница (вм. рука) Всевышняго отечество спасла (Козьм., 78; Гасабовъ, 88).

Онъ мнѣ грудь пронзилъ (вм. разсѣкъ) мечомъ (Пановъ, 19).

Пѣшій конному — плохой попутчикъ (вм. не товарищъ).

Борщъ (вм. хлѣбъ-соль) ѣшь, а правду рѣжь (Некрас., Рук., 47).

Какъ звѣря (вм. волка) ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ (Матвѣева, 39).

Оскопляя такъ рѣчь, составители все-таки не измѣнили ея строя; но они не ограничивались этимъ: дерзновенная рука ихъ посягнула на художественное построеніе рѣчи и лишила ее поэтической прелести. Видоизмѣненная и нерѣдко

изуродованная передѣлками, она преподносится ученикамъ какъ матеріалъ для диктантовъ и грамматическихъ упражненій. Операціи такого рода имѣютъ двойственный характеръ: составители превращаютъ поэзію въ прозу, или къ поэтической рѣчи примѣшиваютъ и свою. Вотъ нѣсколько примѣровъ, могущихъ наглядно показать потуги составителей.

У Жуковскаго:

Жилъ-былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка, была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ ползетъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
„Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль:
У тебя родится дочь“.
— „Благодарствуй, добрый ракъ.
Не ждала тебя никакъ“...
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ, конечно, былъ пророкъ:
Что сказалъ, сбылося въ срокъ.
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ.

Въ обработкѣ г. Козьмина:

Жилъ-былъ *царь Матвѣй*. У *царя Матвѣя* долго не было дѣтей. Наконецъ Богъ даровалъ *царю Матвѣю* дочь. Это очень обрадовало *царя Матвѣя*. Вотъ *царемъ Матвѣемъ* пиръ знатный данъ на цѣлый міръ. О *царѣ Матвѣѣ* разсказывается въ сказкѣ: „Спящая царевна“.

У Пушкина:

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины...
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье;
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени;
А тамъ уже и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Въ обработкѣ г. Козьмина:

Стою надъ снѣгами Кавказа, возлѣ самаго края стремнины. Только одинъ орелъ паритъ вдали наравнѣ со мною. Отселѣ я вижу начало потоковъ и первое движеніе обваловъ. Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной; сквозь нихъ низвергаются водопады; подъ ними находятся нагіе утесы. Смотря сверху внизъ, вижу за снѣговою линіей только тощіе мхи, да кое-гдѣ мелкіе кустарники. Ниже растутъ зеленыя рощи, а еще ниже изрѣдка попадаются жилища людей; по злачнымъ склонамъ горъ почти всюду виднѣются стада овецъ Чѣмъ ниже спускаешься съ горы, чѣмъ ближе къ долинамъ, тѣмъ больше видишь оживленія. Невдалекѣ отъ Арагвы шумитъ и воетъ между скалъ Терекъ. Словно молодой звѣрь, бьется онъ о берегъ и подмываетъ снизу утесы. Вотще: справа и слѣва тѣснятъ его утесы, и не вырваться ему изъ ихъ гранитныхъ объятій.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

ОСЕНЬ.

У Пушкина:

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора —
Стоялъ ноябрь ужъ у двора

Въ обработкѣ г. Красногорскаго:

Уже небо дышало осенью. Солнышко блистало ужъ не ярко. День становился короче. Листъ падалъ и деревья обнажались. На поля ложился туманъ. Караваны крикливыхъ гусей тянулись къ югу. Приближалось довольно скучное время. Наступилъ холодный и туманный ноябрь.

ПТИЧКА.

Изъ „Звѣздочки“:

Птичка надъ моимъ окошкомъ
Гнѣздышко для дѣтокъ вьетъ:
То соломку тащитъ въ ножкахъ,
То пушокъ въ носу несетъ.
Птичка домикъ сдѣлать хочетъ.

Въ обработкѣ г. Гасабова.

Надъ моимъ окошкомъ вьетъ гнѣздышко птичка. Она то соломку тащитъ въ ножкахъ, то пушокъ несетъ въ носу. Птичка лѣпитъ свой домикъ. Солнышко взойдетъ, зайдетъ — весь день она на

Солнышко взойдетъ, зайдетъ, —
Цѣлый день она хлопочетъ,
Но и цѣлый день поетъ.
Ночь холодная настанетъ,
Отъ рѣки туманъ пойдетъ, —
Птичка, душечка, устанетъ,
Спитъ и пѣть перестаетъ;
Но чуть утро, птичка снова
Пѣсню звонко заведетъ:
Весела, сыта, здорова
И поетъ себѣ, поетъ.

работѣ, но и весь день поетъ Настала холодная ночь, лугъ покрылся туманомъ; прилежная птичка устала, перестала пѣть и уснула.

УТРО.

У Никитина:

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается;
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ.
Тишь — безлюдье вокругъ;
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ — на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ, рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.

Въ обработкѣ г. Гасабова:

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака. Лугъ покрылся бѣлымъ паромъ. Вода въ озерѣ свѣтла, какъ зеркало. По вѣтвямъ деревьевъ льется алый свѣтъ зари. Тишь, безлюдье кругомъ. Тихо стоитъ чуткій камышъ. Но вотъ потянулъ легкій вѣтерокъ. Онъ морщитъ и рябитъ гладкую поверхность воды. Пронеслись съ шумомъ утки. Далеко, далеко зазвенѣлъ колокольчикъ. Въ шалашѣ проснулись рыбаки; они несутъ къ своимъ лодкамъ весла. Въ полѣ за деревней принимается за свою работу пахарь.

Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ.
А востокъ все горитъ-разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ — пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое..
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй солнце да утро веселое!

ОСЕНЬ.

У Грекова:

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:

Въ обработкѣ г. Гасабова:

Приближается осень. На зелени деревъ мелькаетъ желтый листъ. Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ. Въ садахъ поспѣли вкусныя яблоки. Черезъ заборъ повисли красныя кисти рябины. Вотъ и яркая озимь блеснула изумрудомъ. Курится овинъ. Весь день скрипятъ воза. Умолкли

Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина;
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина,
Тамъ жнива колкая щетинится,
А тамъ ужъ зелень яркая блеснула изумрудомъ;
И курится овинъ, и долго по утрамъ, какъ бѣлый холстъ,
Лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.
И цѣлый день скрипятъ воза; и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами;
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой надъ небесами...

хоры птичекъ. Перелетныя птицы улетѣли въ теплыя страны. У насъ остались только вороны, галки и воробьи. Небо становится мрачнымъ. Часто находятъ тучи. Начинаетъ моросить мелкій дождь. Онъ продолжается иногда очень долгое время. Вотъ затрещали морозы и наступила зима.

Такой варварской передѣлкѣ подвергались иногда стихотворенія, весьма большія по объему. Такъ напр., г. Зелинскій изуродовалъ полное поэтическихъ прелестей стихотвореніе Некрасова „Власъ“ (1, 36). Увлеченіе такой антиэстетической работой у нѣкоторыхъ составителей такъ сильно, что ей отводились цѣлыя главы. Таковы, напр., „Образцы систематическаго диктанта“ Козьмина. (См. 1, 19—23).

Также безцеремонно относиличь составители и къ отдѣльнымъ выраженіямъ, которыя они заимствовали изъ цѣльныхъ поэтическихъ произведеній.

У Крылова:

Пока его (нравоученье) онъ (поваръ) пѣлъ,
Котъ Васька все жаркое съѣлъ...

У г. Панова (стр. 13):

Покамѣстъ поваръ ругалъ котенка, тотъ съѣлъ всего ягненка.

У Пушкина:	У г. Козьмина (стр. 97).
Трусоватъ былъ Ваня бѣдный: Разъ онъ позднею порой Весь въ поту, отъ страха блѣдный, Чрезъ кладбище шелъ домой.	Трусоватый Ваня не зналъ, куда дѣться отъ страха, когда ночью шелъ черезъ кладбище.

У Дмитріева:	У г. Гастева (стр. 110):
Простой цвѣточекъ, дикой, Не знаю, какъ попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой; И что же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ.	Простой цвѣточекъ былъ завязанъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой, и отъ нея самъ сталъ душистымъ.

У Пушкина:	У г. Панова (стр. 34):
И отъ берега крутого Оттолкнулъ его (мертвеца) весломъ, И мертвецъ нашъ поплылъ снова За могилой и крестомъ.	Рыбакъ оттолкнулъ мертвое тѣло отъ крутого берега, и оно снова поплыло за могилой и крестомъ.

У Крылова:	У г. Козьмина:
Свинья на барскій дворъ ко- гда-то затесалась; Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась; Въ сору, въ навозѣ изваля- лась; Въ помояхъ по уши досыта накупалась; И изъ гостей домой Пришла свинья свиньей.	Свинья наслонялась около конюшенъ и кухонь и вернулась вся въ грязи.

У Кольцова:	У Гасабова (стр. 110):
Въ золотое время Хмелемъ кудри вьются; Съ горести-печали Русые сѣкутся.	При совершенно счастливомъ житьѣ-бытьѣ хмелемъ кудри вьются, а при плохомъ сѣкутся.
У Крылова:	У г. Исленьтьева (стр. 51):
Свинья подъ дубомъ вѣковымъ Наѣлась жолудей досыта, до отвала; Наѣвшись, выспалась подъ нимъ; Потомъ, глаза продравши, встала, И рыломъ подрывать у дуба корни стала.	Свинья, наѣвшись жолудей, стала подрывать у дуба корни.
У Майкова:	У г. Козьмина (стр. 34):
Лѣсомъ частымъ и дремучимъ, По тропиночкѣ лѣсной Ѣхалъ всадникъ.	Лѣсомъ частымъ и дремучимъ несся всадникъ на конѣ быстромъ и могучемъ.
У Крылова:	У г. Козьмина (стр. 30):
Ужъ сколько разъ твердили міру, Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ, И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.	Міру часто говорили о гнусности лести.
У Крылова:	У г. Панова (стр. 60):
Она (бѣлка) лишь глазками моргаетъ, а онѣ (другія бѣлки) Орѣшки, знай себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ.	Бѣлка лишь глазками моргаетъ, а подружки орѣшки, знай себѣ, щелкаютъ.

Въ настоящее время все чаще и чаще стали раздаваться голоса объ упадкѣ эстетическаго развитія и крайней, неотложной необходимости пробуждать чувство изящнаго въ дѣтяхъ, развивать его и лелѣять, чтобы оно было неразлучнымъ спутникомъ ихъ жизни. Такому направленію отъ души можно порадоваться; благородныя чувствованія, навѣваемыя „благоуханной поэзіей“, невидимо зрѣютъ въ чистой дѣтской душѣ; вмѣстѣ съ этимъ невидимо также воспринимается и прекрасная форма, въ которой уложилось извѣстное содержаніе. Обѣ эти стороны такъ органически сливаются, что представленіе объ одной вызываетъ въ сознаніи другую.

При ознакомленіи дѣтей съ новыми поэтическими произведеніями учитель долженъ возбуждать въ дѣтяхъ и развивать то чувство, которое такъ хорошо выражается латинскимъ словомъ pietas. Указывая на чистоту и возвышенность его содержанія, учитель ревниво долженъ оберегать, какъ драгоцѣнность, и его форму. Когда же по какимъ-либо причинамъ снова вызываются къ сознанію учениковъ поэтическія произведенія, то никакъ не должно смущать душу нарушеніемъ гармоніи и искаженіемъ формы, съ которой слилось и самое содержаніе. Въ такомъ чувствѣ уваженія къ поэзіи, родному слову должно воспитывать молодое поколѣніе, чтобы оно въ уваженіи самихъ преподавателей къ поэтическимъ произведеніямъ черпало и для себя поучительные уроки. Поэтому можно только съ грустью и сердечною болью видѣть, какъ составители сборниковъ диктантовъ безжалостно калѣчатъ поэтическія произведенія, какъ, ради подведенія ихъ подъ извѣстную грамматическую рубрику, вытравляютъ содержаніе и форму.

Если изобрѣтенный самими составителями матеріалъ и искаженный чужой оказываютъ дурную услугу дѣлу преподаванія, то само собой понятно, что долженъ быть иной источникъ, откуда нужно черпать матеріалъ и для упражненій въ диктантахъ. Я думаю, что всякій согласится, что избранныя изреченія и статьи изъ образцовыхъ писателей, не искаженныя и не обезображенныя, можно сказать, единственный матеріалъ. Здѣсь всякій найдетъ слѣдующія свойства: опредѣленную мысль, изящество ея выраженія, художественность образовъ, правильность и стройность построенія, точность и силу выраженія. Было бы крайне непростительно

со стороны школы не воспользоваться такимъ воспитательнымъ и образовательнымъ средствомъ и въ диктантахъ. Богатая внутреннимъ содержаніемъ образцовая рѣчь писателей содержитъ въ себѣ всѣ формы, необходимыя для грамматическихъ упражненій. Да иначе и быть не можетъ, когда самыя грамматическія правила порождены разными формами литературной рѣчи.

Что касается безыскусственной поэзіи, то пословицы и поговорки издавна нашли себѣ мѣсто въ сборникахъ диктантовъ, и этого нельзя не одобрить; богатыя содержаніемъ, поэтическія по формѣ, онѣ въ то же время представляютъ очень хорошій матеріалъ и для орѳографическихъ цѣлей; тѣмъ не менѣе ихъ въ сборники вносить должно со строгой осмотрительностію; я уже не говорю объ увлеченіи, какое допустилъ г. Баталинъ въ первой книжкѣ, по крайней мѣрѣ, въ первой ея редакціи, исключительно состоящей изъ пословицъ и поговорокъ. Само собой понятно, что должно избѣгать тѣхъ пословицъ и поговорокъ, которыя неправильны по мысли или странны по своему содержанію, въ родѣ слѣдующихъ, помѣщенныхъ въ „Опытѣ систематическаго диктанта“ Терновскаго:

Баба да бѣсъ — одинъ у нихъ вѣсъ (стр. 37). Двое плѣшивыхъ за гребень дерутся (стр. 104). Борода по колѣна, а дровъ ни полѣна (стр. 31). Лучше въ утлой ладьѣ по морю ѣздить, чѣмъ женѣ тайну повѣрить (стр. 75). Плѣшивый — человѣкъ фальшивый (стр. 103). Женскій бытъ — всегда битъ (стр. 116). Какъ такъ? мужъ дьякъ, а жена попадья (стр. 121). Кому суждено опиться, тотъ обуха не боится (стр. 129). Быть тебѣ въ раю, гдѣ горшки обжигаютъ (стр. 72). Нѣмецъ хоть и добрый человѣкъ, а все лучше повѣсить (стр. 105). Кто сильнѣе, тотъ правѣе (стр. 63). Жена зѣвать, а я бѣжать. Супругъ зѣвать, супруга уѣзжать (стр. 46). Сбылъ бѣду, что сосѣдову жену; а другую бѣду на бобахъ разведу (стр. 43). Вспомнила баба свой дѣвичникъ и запѣла пѣтушьимъ голосомъ (стр. 38). Безхмельное питье — дубинное битье (стр. 115). Нѣтъ въ лѣсу столько повертокъ, сколько у бабы увертокъ (стр. 106).

Загадки были излюбленнымъ матеріаломъ въ сборникахъ диктантовъ: имъ отводилось довольно видное мѣсто. Впрочемъ,

нельзя сказать, чтобы ихъ не было теперь, но все-таки сравнительно очень мало. Какъ бы ни были содержательны по мысли и остроумны по сближеніямъ, загадки не могутъ быть хорошимъ матеріаломъ для диктовокъ: мысль ихъ въ большинствѣ случаевъ чрезъ дымку аллегорій не прозрачна и не уловима для дѣтей. Писаніе предложеній, возбуждающихъ недоумѣніе относительно смысла и ставящихъ дѣтей въ угнетенное состояніе, ведетъ обыкновенно къ неправильному употребленію словъ и таковому же согласованію. Слѣдовательно, количественное приращеніе ошибокъ является неизбѣжнымъ отъ внесенія въ диктантъ неудобопонятнаго матеріала. Съ другой стороны, загадки, благодаря остроумному сближенію, развлекаютъ вниманіе учениковъ, иногда возбуждаютъ смѣхъ. Естественно, при такомъ положеніи дѣла, ученикъ, отвлеченный отъ главной мысли — написать диктантъ правильно, испещряетъ свою тетрадь ошибками, которыхъ можно было бы избѣжать.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, помѣщенныхъ въ разныхъ сборникахъ и могущихъ подтвердить справедливость моей мысли.

Толстая Фетинья да сухой Матвѣй пристроенъ къ ней. (Терн. 113).

Маленькій Данилка въ петелькѣ удавился (Матвѣева, 29).

Плѣшь ѣдетъ на гору, плѣшь бѣжитъ подъ гору, плѣшь съ плѣшью встрѣтится, плѣшь плѣши молвитъ: ты плѣшь, я плѣшь, на плѣшь каплешь, плѣшь задерешь, да другую наведешь. (Терн., стр. 113).

Взятъ отъ земли, какъ Адамъ, вверженъ въ огненную печь, какъ три отрока, взятъ изъ печи и возложенъ на колесницу, какъ Илья, повезенъ былъ на торжище, какъ Іосифъ; поставленъ на лобное мѣсто и біенъ по головѣ, какъ Іисусъ; закричалъ громкимъ голосомъ, и на крикъ его пришла нѣкая жена, подобно Маріи Магдалинѣ, и купивши его за мѣдныя деньги, принесла домой; но расплакавшись по своей матери, умеръ и донынѣ его кости лежатъ не погребенными (Терновскій, стр. 113).

Шли двѣ матери, двѣ дочери, да бабушка съ внучкой, а ихъ всего трое (Тихомировъ, стр. 86).

Зимой грѣетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью опять оживаетъ (Пановъ, стр. 51).

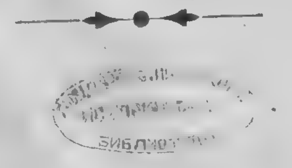
Стоятъ вилы, на вилахъ бочка, на бочкѣ кивала, на кивалѣ мочало, на мочалѣ островъ, на островѣ козы ходятъ (стр. 56).

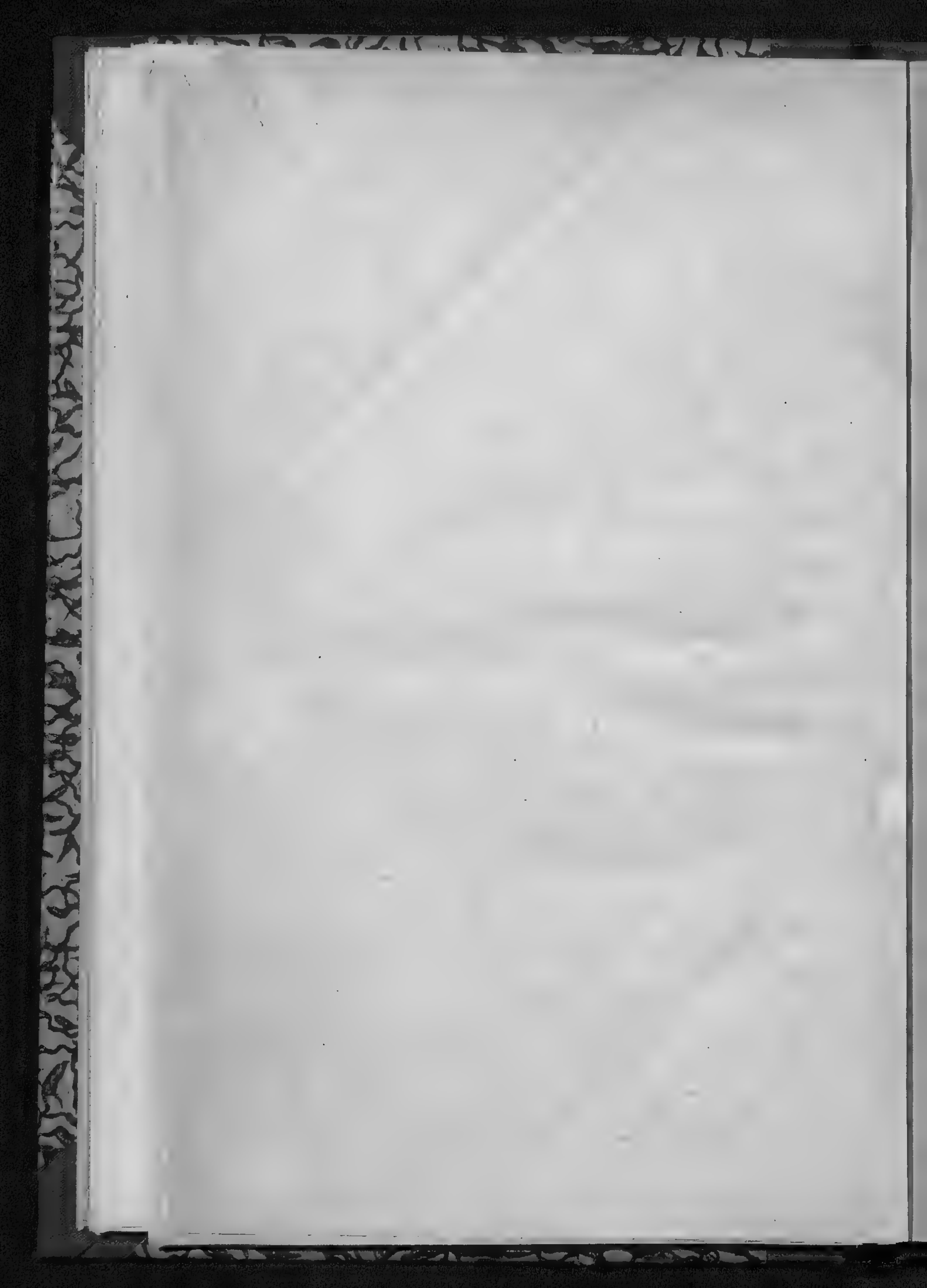
На морѣ на океанѣ
Сидитъ птица ютница;
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала,
Всего много ѣдала:
Видала царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ Кіевѣ,
Дитя въ колыбели;
А того не ѣдала,
Чего въ морѣ не достало. (Семеновъ, стр. 6).

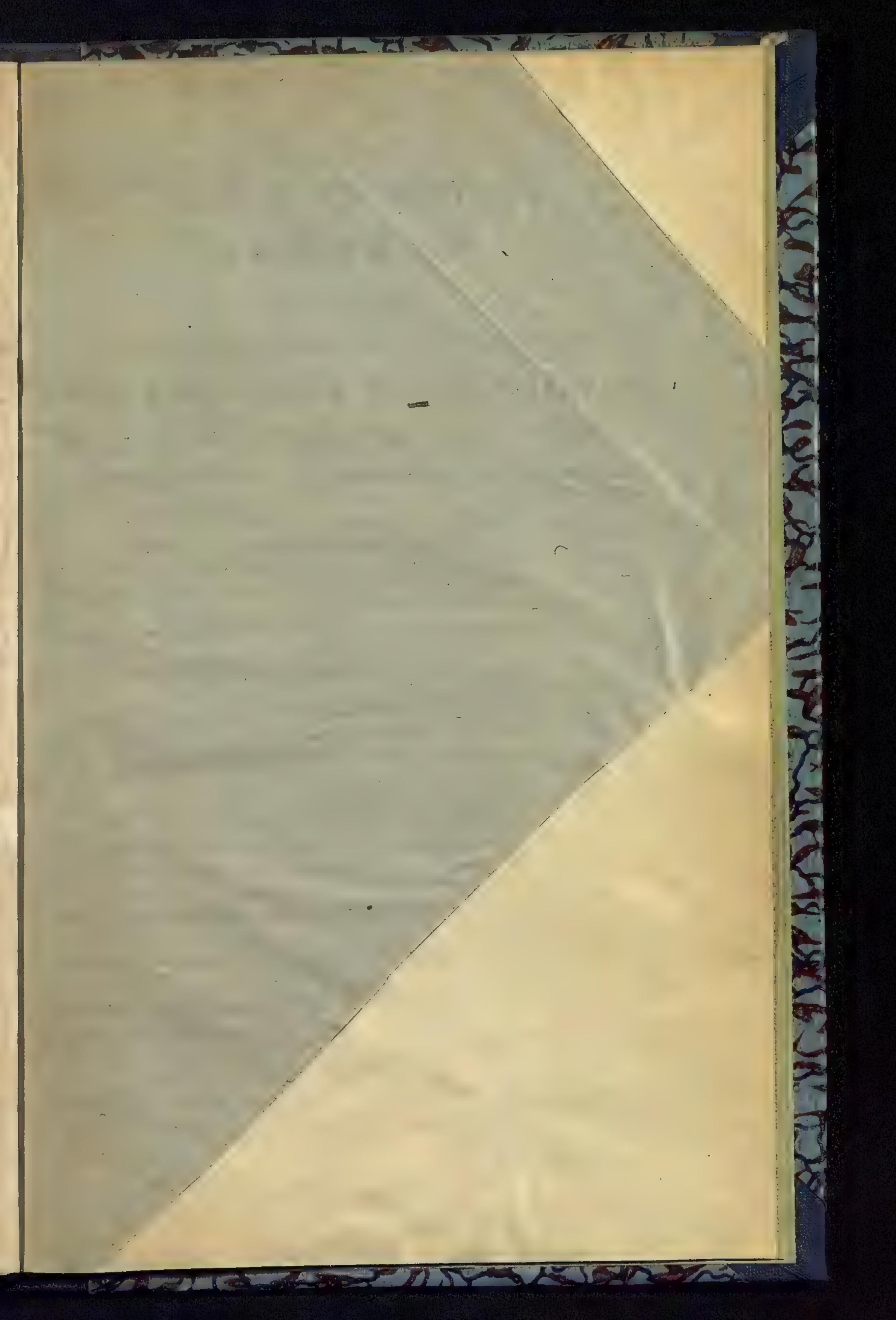
Рогатъ, а не быкъ,
Хватаетъ, а не сытъ,
Чего возьметъ, другимъ отдаетъ (Семеновъ, стр. 7).

Пришла панья
Въ красномъ сарафанѣ,
Начали раздѣвать,
Стали плакать и рыдать (Семеновъ, стр. 7)

Самое большое количество загадокъ находится въ сборникахъ Семенова, Терновскаго и отчасти въ приложеніи къ грамматикѣ у г. Поливанова; въ большинствѣ остальныхъ число ихъ простирается отъ 5 до 10. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было такого матеріала мало въ сборникахъ, его должно совсѣмъ не допускать.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. Д. НАУМОВА,

ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой ул., въ домѣ Духовной Консисторіи,

находится складъ слѣдующихъ книгъ

В. ПОКРОВСКАГО:

А. ***Исторической хрестоматіи*** (сборника историко-критическихъ изслѣдованій) выпуски:

I вып. О народной словесности. Ц. 1 р. 75 к.
II » О книжной словесности XI—XVI вв. Ц. 1 р. 50 к.
III » О книжной словесности XVI—XVII вв. Ц. 2 р.
IV » О Петровской и Елизаветинской эпохахъ и ихъ литературныхъ представителяхъ. Ц. 2 р.
V » О ложно-классическомъ направленіи въ иностранной и русской литературахъ. Ц. 2 р. 50 к.
VI » Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII—XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
VII » О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
VIII » О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
IX » О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р. 50 к.
X » О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI » О просвѣщеніи въ XVIII ст. Ц. 3 р. 50 к.

В. ***Сокращенная Историческая хрестоматія.*** Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Ц. 1 р. 25 к. Рекомендована Уч. К. М. Н. Пр.

С. ***Поэзія, какъ главный фактъ эстетическаго развитія.*** Ц. 1 р.

дагогическомъ значеніи классного чтенія отрывковъ овыхъ писателей. Ц. 60 к.

ематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, лхъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 3-е, исправ. и дополненное. Ц. 40 к.

I. II. Синтаксисъ. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

вочный орѳографическій словарь. Пособіе для учащихся.

